

Визитка топ-менеджера

Старейший в Свердловской области администратор Игорь Лейфель когда-то в Америке вогнал в панику мэтров театрального менеджмента

Ирина КЛЕПИКОВА

Договариваясь об интервью, прошу визитку. «Что вы?! – смеется Игорь Яковлевич. – В этом городе визитки мне давно не нужны». В его родной Свердловской музыкальной коллегии шутят: пол-Екатеринбурга знают директора театра Сафронова, остальные полгорода – его заместителя Лейфеля. «Администратор» – название вроде не звучное (особенно в мире театра), однако в переводе с латыни это – «управитель». Уже звучит! Сегодня, правда, мы больше знаем это слово в английском варианте – «менеджер». Интересно, сколько раз за день, управляя многочисленными контактами, он говорит «дзравствуйте!»?

–Раз сто. Может, даже больше. Только в театре сколько «дздравствуйте!» за день! Кстати, когда в кабинет заходят народные артисты – встаю. Неважно: старше, младше. Это дань уважения к тому, что человек – лидер в нашем коллективе, в искусстве театра. Так научил меня когда-то Александр Львович Соколов, главный режиссёр Свердловской драмы. Он говорил: «Зритель ходит в театр не на тебя. Ты только помогаешь артистам делать искусство».

–Надо полагать, до сих пор этим правилом и живёте?

–А как иначе?! Я сегодня старейший администратор в Свердловской области. Да и в России нас таких по пальцам пересчитать. Потому многое помню. Когда проходил практику в Малом театре, помню – к Михаилу Ивановичу Царёву, народному артисту, художнику театра, председателю ГТО, заглянул Жаров. В приёмной все, включая секретаршу, соскочили с мест и раскланялись: «Здравствуй, Мишенька!». Для меня это было школой: уважение административного аппарата к артисту. Но оно же было и взаимным. В том же Малом театре главным администратором был очень крупный человек, тяжело двигался. Его привозили на работу, садили в кресло, и до конца дня он уже не вставал. Но все знали: он и Царёв незаменимы в театре. Каждый в своей сфере. Один – артист, другой – администратор. Могикане!

–Игорь Яковлевич, но ведь ни в детстве, ни в юности никто не мечтает стать администратором. Знаю: и вы хотели «в артисты». Не поверю, что «не получилось». Вы артистичны, с харизмой...

–Тут другая история. Начиная студентом я участвовал во всех конкурсах художественной самодеятельности. И вот однажды на конкурсе (это 1967 год), когда я представлял пед-институт, на сцене неожиданно погас свет. Надо было как-то занять публику, пока исправят. А я сидел за роялем. Пришлось выйти на авансцену к микрофону. Рассказал пару анекдотов, ещё чего-то говорил...

Потом ко мне подошли два человека. Оба, считаю, – великие по жизни мои педагоги. Подошли и спросили: «Мальши, ты на аккордеончике играешь?». А я – худенький мальчик, размер одежды – 44, шейка – 38: «Вам, мол, зачем?». Один поступал ногами: я, говорит, было чётче, подыгрываешь? Попробовали – получилось. Другой исполнял аккомпанемент: Снова попробовали – снова получилось. Тогда уже я заинтересовался: «А вы кто, дяденьки?». Оказалось – Эдуард Николаевич Ренов, ректор юридического института, и Валерий Петрович Чичканов, известный экономист. У них была агитбригада «Студенты города Свердловска», в которую входили (только представьте!) – Саша Дольский, Наташа Гайда (сегодня – прима Белорусской оперетты), Валерий Барынин (впоследствии – звезда Свердловской и Московской оперетты). Меня взяли «аккордеонщиком», выступать в субботу и воскресенье. С каждого концерта – по три рубля. За два – шесть. А так как стипендия была 28, то шесть рублей за два дня – деньги очень большие.

–Но, видимо, проявились и организаторские способности?

–Нахватавался очень быстро. В 1968 году при ДК Свердловска создали ансамбль «Ровесники». Великие музыканты в нём были, музыканты от Бога. Так

вкусно всё делали! К нам влился Пресняков (старший), потом знаменитый Вадик Чекасин. Играли, выступали... А однажды – звонок: заболел наш администратор. Ну не отменять же концерт – кушать же хочется (*смеётся*). Поехал, всё решил. С тех пор уже я и организовывал все концерты.

–Вы всё – про вынужденные обстоятельства. А я же по интонации слышу: в удовольствие было. Значит, дар? Организаторский талант?

–Мне повезло. Я проехал с концертами весь Север. А жизнь-то какая была! Нягань, Югра – маленькие посёлки. Вместо домов – теплушки. В Тобольске – деревянные тротуары. В Ханты-Мансийске мы сапоги надевали, чтобы дойти до ДК. Первого канала ТВ там нигде не было. За бутылку водки мы выменяли соборную шкуру и резали её, чтобы поддеть для тепла в сапоги. Иногда нам платили натурой. Например, после концерта на рыбзаводе его директор открывал холодильник: «Берите! Сколько вам?». «Две-три штучки», – говорили мы робко. А там – осетры, муксуны, нельмы. Одну-то не дотасишь. «Можно, – спрашивали мы тогда, – распилить вот ту рыбку на три-четыре кусочка?».

Нравилась ли организация концертов? Честно? Очень! Пресняков научил играть, читать ноты, показывал аккорды. Я тогда, к сожалению, и нот-то не знал. Всё – по слуху. А про мою игру, мою пальчиковку, музыканты чего только ни говорили: «Лесоруб», «У него корявые пальцы», «Так играть – безобразно». Пресняков защитил: «Хоть один сыдте – и сыграйте джаз, как он играет...». Кстати, и с Нодельманом-то (*главный дирижёр Музыкальной – ИК*) познакомился в консерватории, когда мы играли там на новогоднем вечере. С ним и в армию пошёл.

–В армию? Два музыканта?

–Два еврея с высшим образованием решили отслужить – и дело о конном. Добровольно пришли в Кировский военкомат. За повестками! Нас трижды выгоняли, говоря: «Что-то тут не так. Вас, наверное, милиция разыскивает...». Наконец, взяли в учебный полк. Я кайфовал! Поскольку я более спортивный, то и «солнце» крутил, и бегать нравилось, и «качаться». Когда же худой длинноногий Боря Нодельман подошёл к турнику – ему даже не надо было подпрыгнуть, чтобы ухватиться. Он просто брался за железку – «опа». «А подтянуться?» – «Это к нему». И он кивал на меня.

–Уж больно независимо для «саласа»...

–Скажу больше. Когда посылали что-нибудь копнуть, мы настаивали: «Померяйте давление, дайте рабочую форму – чтоб не пацкать эту. И вообще, товарищ капитан, мы же грамотные, мы без ошибок напишем прокучу, что вы делаете то-то и то-то. А это законом запрещено. Вы же не хотите стать лейтенантом?».

Капитан нервничал: «Когда вы заберёте от меня этих артистов?». В конце концов нас взяли в ансамбль песни и пляски. А дальше я служил уже в ракетном дивизионе. Но если серьёзно – считано: каждый мужчина должен пройти армию. Она закаляет. Она проверяет на дружбу. Она приучает: «Слово дал – слово не взял». Обещал – сделал.

–Когда-то российский купцам, чтобы считать сделку заключённой, достаточно было пожать друг друга руки. А сегодня в менеджменте ключевое слово – ?.

Театр – не только искусство, но и производство. Однако и первые люди Свердловской музыкальной индустрии хулиганят. На юбилее Театра кукол (слева направо на втором плане) – главреж Стрежнев, директор Сафронов и его зам Лейфель

По-английски «гор» – «вершина», «высшая точка». Не каждый менеджер удостаивается этой приставки. Игорь Лейфель (справа, на первомайской демонстрации театра), по мнению коллег, – специалист высшего класса

...обязательность. Чем старше становишься – тем больше дорожишь своим именем. У нас в театре был когда-то спектакль «Багдадский вор». А там диалог: «Я от Изики. – Как он живёт? – Он не живёт, он мучается». За кулисы цитировали эти применимо ко мне и в чём-то были недалеки от истины. Понимаешь: когда человек приходит к тебе с какой-то болью, и если ты можешь помочь – сделай! Бывает ситуация неразрешимые – но в это уже не верят. Считают, что в этом городе, где у меня бездна знакомых и друзей, я могу если не всё, то почти всё. Но ведь детский сад сам не построится, добывать зарплату – тоже не в моих силах. Есть болезни неизлечимые. И что с того, что у меня друзья – все главные врачи области (я дружу с ними семейно, по 40 лет. Я же не знал когда-то, что они станут главными врачами, мы были просто мальчишками!).

А вообще, правило «Можешь помочь – сделай!» меня научил когда-то папа. «Даже если человек не скажет тебе «спасибо», – уточнил он. – А если тебе сделали гадость – не связывайся. Будешь чище...».

–Это откуда же такие вековые «правила жизни»? Почти библейские.

–Папа – польский еврей. В маленьком городке на границе Польши и Советского Союза закончил класс скрипки. Это была семья портных – как в мюзикле «Скрипка на крыше». И – почти такая же, как в мюзикле, драматическая история исхода, изгнания с родных мест. В 1939 году, в четыре утра, в городок зашла Красная Армия. Подняли всех: «Кто готов перейти в Советский Союз – шаг вперёд!». Папу подтолкнул его товарищ, случайный шаг... Отец вспоминал потом: не успели их завести в казарму – прозвучали выстрелы. Остальных расстреляли. И вот папу, едва понимавшего по-русски, одели в форму Красной Армии и отправили на Урал...

Мне повезло. Я зал на обе стороны медали. Папа – западник, мама – большевичка с 1898 года. Дед воевал с Махно, прошёл огонь, воду и медные трубы. Еврей-пьяница – я такое видел впервые (*смеётся*). А у Ковпака я сидел на коленях. Он, председатель Верховного Совета Украины, был для меня «какие-то».

–Игорь Яковлевич, считается: русский театр XIX века был актёрским, XX-го – режиссёрским. Теперь театры больше знают по директорам. В искусстве наступила эпоха менеджеров?

–Игорь Яковлевич, считается: русский театр XIX века был актёрским, XX-го – режиссёрским. Теперь театры больше знают по директорам. В искусстве наступила эпоха менеджеров? Играть застало, когда в Свердловскую драму, музыкальную или Оперный ходили на конкретного артиста: когда пела Нестягина, танцевала Менюшикова или Гускина, играли Люся Крачун, Борис Ильин. Да, тогда лидером был главный режиссёр. И свердловским театром повело: их лидеры были образованны до мозга костей. А драматурги? У нас дома бывали Виктор Сергеевич Розов, Родин, Арбузов... Они, подшучивая иногда, очень тонко воспитывали мой вкус. Я же пришёл в театр после армии, молодой, naïв. Когда в драме Соколов поставил «Варваров», я всё спрашивал: «Зачем?». А мне «пояснялись»: «Мальчик, у Тургенева есть рассказ «Муму». Начи с этого...».

Вот такие дядьки меня воспитывали.

А сейчас – да, в театр пришёл менеджмент. Это раньше «центр» определял, сколько и каких театров должно быть в области и конкретном городе, какой репертуар. И не было той информации, какую имеем сейчас. В Свердловске было четыре театра, сейчас – 30. Сумасшедшая конкуренция! Раньше Музыкальная была единственная в «лёгком жанре», так хоть что ставь – народ придёт. А сегодня зритель на Птичкина уже не пойдёт...

–Когда определилась менеджерская стезя, в себе что пришлось ломать?

–Конечно! Я по натуре – раздолбай. Когда играл с Пресняковым, всё равно было творческим человеком, нежели администратором. «Репетиция в час? Да ладно – давайте в два...». Приходили – чесали языками. А когда ты администратор – совсем иная ответственность. Не просто сел сам за фортепиано, сыграл и ушёл. За тобой – люди. Что бы я ни сделал – тоже не просто Лейфель, это театр.

–Знаю: вы учились менеджменту в Америке. Это благодаря Ассоциации музыкальных театров США, в которую приняли и Свердловскую музыкальную?

–Нет, всё началось очень смешно. Сентябрь. Дождь. Холодно. Я выбежал из театра в «Гастроном» на Ленина купить колбаски. Передо мной у витрины – пара плохо говорящих порусски. Пытаются объяснить, чтобы им нарежали колбасу. А вы же помните тот наш сервис? «На тебе кусок – и иди». Тогда я со своей наглостью вступился, в том же тоне: «Взяла, порезала – и не выкай. Ты же видишь: люди с трудом объясняются. И мне, между прочим, колбаску тоже надо порезать...».

Потом подошёл к этим двоим. Мокрые, замерзшие. Оказалось: он – Джек Сигал, генеральный консул США, только что назначенный. Она – его супруга Карэн... Пригласил добежать до театра. Налил им водочки. Согрелись, познакомились. Я ещё и шутил: «Кто из вас шпион главнее?». А потом мы подружались. Я познакомил их со всеми театрами города. Джек стал говорить по-русски. А через два года они предложили: есть грант на учёбу в Америке. 45 дней. Чикаго, Вашингтон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сент-Пол... Нас учили, что такое лоббизм, налогообложение, продвижение своего искусства. А по окончании учёбы надо было написать эссе. Я честно написал: есть вопросы, которые я так и не понял. Например – о спонсорстве...
–Интересно: что вам в спонсорстве было непонятно?
–Представьте ситуацию: в Метрополитен-опера на совещании почитателей одна молочная фирма предлагает театру 300 тысяч долларов. А «бабуся» из почитательского совета говорит: «Мы не должны брать эти недостойные деньги. Я прочитала в газете, что где-то эта фирма продавала плохое молоко». У меня глаза на лоб полезли. А мне объясняли: это политика совета почитателей... Вот про это я и задавал вопрос в эссе.

Прошло месяца три-четыре. Звонит Джек: «Зайди, пожалуйста, в консульство. Ты написал, что тебе не хватило знаний, ты неудовлетворён. В Америке скандал: значит, учили некачественно. Есть предложение снова пригласить тебя в США. Доучиться...».

Снова – 45 дней. И уже в Гарварде я дослушивал последние лекции. Теперь я всё это знаю. Но (*смеётся*) здесь никогда в жизни это невозможно. Ориентируясь на Запад и Америку, мы всё равно всё делаем по-другому.

–Это зависит от нашего менталитета? Сиречь разгильдяйства?

–Нет, от законотворчества. В Америке только один(!) процент от числа театров учреждения государственные. 70 процентов Метрополитен-опера, все бродвейские театры – на хозрасчёте. На Бродвее, где дома по 70 этажей, пятьдесят шесть занимают мюзиклы. Когда нам показывали «Мисс Сайгон», была встреча с руководством театра. Вышел такой старикашка, как я в будущем, в старости (*смеётся*). Спрашиваю у него: за счёт чего вы живёте? Да, 360 спектаклей в год. Да, каждый день – по одному-два представления («Скрипка на крыше» идёт каждый день 40 лет). И всё же... Старичок отвечает: «Голова не закружится, если я попрошу тебя посмотреть вверх? Ты видишь эти 70 этажей? Земля – моя. Театр – мой. Но эти этажи кормят театр».

Вернувшись в Свердловск, я, наивный, начал в разных инстанциях предлагать: давайте надстроим здание Музыкальной. С той же целью. Чтоб верхние, элитные этажи кормили эти театральные. «А вы знаете, – говорят мне, – что здание стоит почти без фундамента? Если сделать усиление хотя бы на один этаж – всё рухнет». Мечты ушли!

Вторая позиция – в Штатах если какое-то учреждение оказывает из своей прибыли спонсорскую помощь, то налогообложение на прибыль на 10-15 процентов ниже, и ты можешь в любом банке взять кредит. В любом! Причём не под пять процентов, как все, а под один-два процента! Впечатляет?! Поэтому в США – очередь на право быть спонсором... Здесь же всё наоборот: Чем больше помогаешь, тем больше с тебя возьмут налогов. Поэтому когда я у друзей беру деньги для театра, они просто: не надо этот факт обнаруживать...
–В силу должности вы так хорошо осведомлены, что что стоит при рождении спектакля (и не только в плане материальном). Удаётся ли администратору оставаться простым зрителем?

–У нас есть спектакль «Храни меня, любимая!». О войне. Какалось бы, и о ней со сцены много сказано. Но когда видишь: четыре мальчика, четыре сына уходят на войну, погибают один за другим и возвращаются к матери только в её воспоминаниях – пробивает до слёз. Каждый раз. А потом, я же знаю некоторые спектакли почти наизусть, знаю, где звучит красивая музыка – иногда заглядываю в зал на отдельные эпизоды. Есть любимые сцены в «Екатерине Великой», в «Парке советского периода».

А сколько пронзительного в других жанрах? Когда слушаешь сцену «У канавки», («Пиковой даме» – изумление не иссякает: как мог Чайковский написать такую музыку?.

–Свердловская музыкальная исповедует принцип «театр – дом». В коллективе и впрямь завидные, сердечные отношения между поколениями. Но если театр – семья, то вы в ней кто?

–Иногда называю папой. Однажды у меня в кабинете сидела дочь, заходит кто-то из актрис: «Папуля, вот такая ситуация...». У дочери глаза округлились: интересно, говорит, у меня ещё и сестра есть... А театр, действительно, семья. Особенно показателен в этом смысле новогодний праздник. Представляет: приказ вышешаем – на работу всем 2 января. Первого заходим после обеда – полно людей. Во все стороны – «дздравствуй», «дздравствуй». Кто-то репетирует, кто-то распевается. Вот это самое ценное. Это и есть семья. Я прожужу в театре процентов 70 времени, и только 30 – дома...
**–Предпочтения на книжной полке? Раз в год прожужу ревию, и если понимаю: книга уже никогда не будет востребована – увожу в детские дома... Обожаю Тургенева за прекрасный слог. Люблю Гюстава, хотя он философичен, сложное, чем Достоевский. А вот Достоевский – не мой автор: не люблю картькичников. Люблю раннего Чехова (а к позднему совсем иное отношение – не люблю сплюнтяев). Много поэзии в доме...
–Какую музыку слушаете в машине?**

–Я всеядный. Монтан, Синатра (хоть его ранняя джазовая классика и мюзиклы, хоть поздняя лирика), Хулио Иглесиас... Кстати, Иглесиас – единственный певец, который не мешало разговаривать. Это уникальное качество! Я дважды был на его концертах: – в Штатах и Испании. Ходит уже плохо, мёртво стоит на сцене. Но – голос и руки! Руки, «вибрирующие» вслед за мелодией – просто завораживают.
–Место, где вы наиболее адекватны самому себе?

–Сауна.

–Зарядку по утрам делаете?

–(Игорь Яковлевич выводит из-за стола, отодвигает дверь шкафа-купе, на полу – гантели). Вот – по 10 килограммов. Каждый день – по 20 минут. И два раза в неделю – «тренажёрка».

–Самый дорогой сердцу подарок, который вы получили?

–Японцы говорят: это – дети. Тогда у меня было три: дочь, внучка и уже – правнучка. Я женился то молодым, в 19 лет.

–В зоопарке к какому вольеру (клетке) пойдёте прежде всего?

–Я люблю львов и обезьян. В обезьянах себя вижу (*смеётся*), а осанку льва хотелось бы иметь. И вообще, человечество в принципе делится на хищников и обезьян.

–Кредо, которое поддерживаете по жизни?

–«Живи и дай жить другим!».

ДОСЬЕ «ОГ»
Игорь Яковлевич ЛЕЙФЕЛЬ
Родился в 1948 году в г. Каменске-Уральском
1966–1971 гг. – студент Свердловского педагогического института
1971–1973 гг. – служба в Советской Армии
1973–1975 гг. – администратор ДК металлургов ВИЗа
1975–1977 гг. – главный администратор Свердловского театра оперы и балета
1977–1989 гг. – заместитель директора Свердловской драмы
1992 г. – закончил Свердловский театральный институт по специальности «Организация, планирование и управление театральным делом»
С 1989 г. – заместитель директора Свердловского театра музыкальной комедии
Заслуженный работник культуры РФ (1994 г.)

Блиц-опрос

–Любимое время суток?
–Я всё люблю. Сплю мало. Ложусь в час-полтора, встаю полшестого. Я должен смотреть все новости. А в постели мне неинтересно.
–Три вещи, жизненно необходимые вам на необитаемом острове?
–Музыка, зубная щётка и книга. Раньше бы сказал: «...и женщина». А теперь скажу как в анекдоте: «...она же ещё приставать будет» (*смеётся*).
–В Екатеринбург больше малых скульптурных форм, посвящённых кому-то. Если создать памятник менеджеру, то это будет...
–...менеджер, а напротив всё равно – Его величество Артист. Вся наша работа ДЛЯ НЕГО. Простой пример: артистка Элла Приймченко сломала руку – и театр отменил спектакль.

По признанию Игоря Лейфеля, он – «мясной человек». На столе круглый год – мясо и зелень: укроп, киндза. С рыбка. А петрушка растёт дома, на подоконнике...

**–Предпочтения на книжной полке? Раз в год прожужу ревию, и если понимаю: книга уже никогда не будет востребована – увожу в детские дома... Обожаю Тургенева за прекрасный слог. Люблю Гюстава, хотя он философичен, сложное, чем Достоевский. А вот Достоевский – не мой автор: не люблю картькичников. Люблю раннего Чехова (а к позднему совсем иное отношение – не люблю сплюнтяев). Много поэзии в доме...
–Какую музыку слушаете в машине?**

–Я всеядный. Монтан, Синатра (хоть его ранняя джазовая классика и мюзиклы, хоть поздняя лирика), Хулио Иглесиас... Кстати, Иглесиас – единственный певец, который не мешало разговаривать. Это уникальное качество! Я дважды был на его концертах: – в Штатах и Испании. Ходит уже плохо, мёртво стоит на сцене. Но – голос и руки! Руки, «вибрирующие» вслед за мелодией – просто завораживают.
–Место, где вы наиболее адекватны самому себе?

–Сауна.
–Зарядку по утрам делаете?
–(Игорь Яковлевич выводит из-за стола, отодвигает дверь шкафа-купе, на полу – гантели). Вот – по 10 килограммов. Каждый день – по 20 минут. И два раза в неделю – «тренажёрка».
–Самый дорогой сердцу подарок, который вы получили?
–Японцы говорят: это – дети. Тогда у меня было три: дочь, внучка и уже – правнучка. Я женился то молодым, в 19 лет.
–В зоопарке к какому вольеру (клетке) пойдёте прежде всего?
–Я люблю львов и обезьян. В обезьянах себя вижу (*смеётся*), а осанку льва хотелось бы иметь. И вообще, человечество в принципе делится на хищников и обезьян.
–Кредо, которое поддерживаете по жизни?
–«Живи и дай жить другим!».